

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-2-4
УДК 908

Владимирски Ирена
Доктор философии, заведующий кафедрой
Истории общественной мысли, Академический колледж Ахва
(Беэр Тувия, Израиль)
irena@achva.ac.il

Vladimirsky, Irena
PhD, Head of the History of the Ideas Department,
Achva Academic College
(Beer Tuviia, Israel)
irena@achva.ac.il

**Отсюда, сколько ни скачи, ни до какого государства не доскачешь...:
города Сибири в дневниках сибирского золотопромышленника
Якова Фризера***

**You May Gallop for Three Years before You Reach a Foreign Country...
Cities of Siberia in the Diaries of Siberian Gold-Mining Magnate Yakov Frizer**

Аннотация. В центре внимания данной статьи находится дневник сибирского золотопромышленника Якова Фризера, воссозданный им по памяти в 1921–1931 гг. в Харбине, где он проживал после Октябрьской революции. Дневник Фризера уникален по своей структуре, он изначально задумывался как источник скорее мемуарного, нежели сугубо информативного характера. Внимательное чтение дневника разбивает многочисленные стереотипы, прочно укоренившиеся как в обыденной практике, так и среди исследователей, а именно: о Сибири как о далекой окраине со сложившимися нравами, где не происходит ничего интересного и значительного, крае вечного холода и полудиких местных жителей, куда попадают не по собственной воле, об образе еврея, преследуемого властями и ограниченного в своих возможностях.

* Для цитирования: *Владимирски И.* Отсюда, сколько ни скачи, ни до какого государства не доскачешь...: города Сибири в дневниках сибирского золотопромышленника Якова Фризера // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 2. С. 672–711. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-4

For citation: Vladimirsky, I. “You May Gallop for Three Yyears before You Reach a Foreign Country... Cities of Siberia in the Diaries of Siberian Gold-Mining Magnate Yakov Frizer.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 2 (2019): 672–711, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-4>

© Владимирски И., 2019

© Vladimirsky I., 2019

Ключевые слова: Яков Фризер, личный архив, эго-документы, города Сибири, купечество, золотопромышленность, дневники, евреи.

Abstract. This article focuses on the diaries of Siberian gold-mining magnate Yakov Frizer, the diaries being a replica of the original texts written anew in 1921–1931 in Harbin, where he moved after the October revolution of 1917. The diaries of Frizer are unique in their content and structure. Originally, they were intended to be a memoir rather than a source of purely informative character. Close reading of these diaries breaks many stereotypes deeply rooted both in everyday practice and among researchers – namely, of Siberia being a distant outlying region with its own habits and norms where nothing interesting and significant happens; of Siberia being the land of the eternal cold and half-civilized local tribes where the residents get against their own volition; of the image of a Jew persecuted by the authorities and limited in his opportunities.

Key words: Yakov Frizer, personal archive, Siberian cities and towns, ego-documents, merchants, gold-mining industry, diaries, Jews

Дневники Якова Фризера представляют уникальное поле работы для исследователя. С одной стороны, их нельзя считать «синхронным документом», поскольку существует небольшой временной промежуток между реальным временем написания дневника и его воссозданным двойником. В силу этого в них возможны искажение событий, неточности в датах, многие детали записей нуждаются в уточнениях. Однако в этих текстах важна авторская интонация, попытка увидеть себя со стороны, оценить вектор своего жизненного развития, воссоздать прошлое как личное пережитое ощущение, запечатленное в слове, что является основной чертой эго-документов¹. С другой стороны, в дневнике человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его. Дневник – это путь познания себя, своих чувств, восприятия событий почти сразу по их происшествии, он не содержит ни заранее заданного сюжета, ни плана². Это касается конкретного человека как отдельной личности, а также его самовосприятия как члена общества³. Дневник, в отличие от автобиографии, оставляет возможность для развития и постоянного изменения – это своего рода свободный выбор автора решать, как себя вести, что читать и каким правилам следовать, поскольку только автор дневника решает, как и что с дневниками делать: хранить для себя

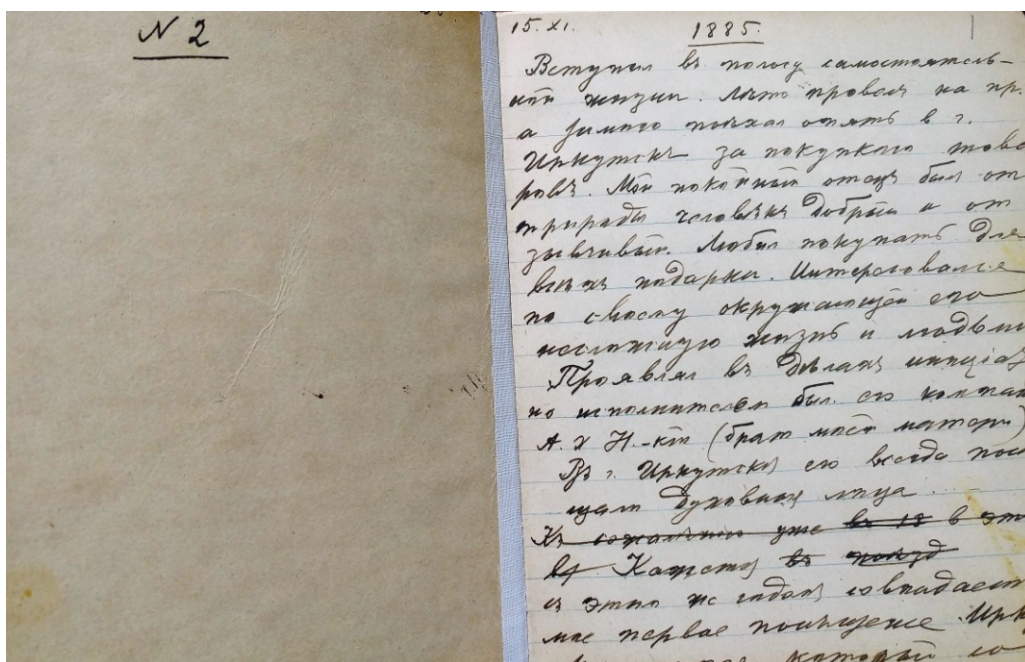
¹ *Chartier R.* The Author's Hand and the Printer's Mind. New York: Polity Press, 2014. P. 123–124.

² *Heehs P.* Writing the Self: Diaries, Memoirs and the History of the Self. New York: Bloomsbury, 2013. P. 6; *Depkat V.* Lebenswenden und Zeitenwenden. Deutsche Politiker und die Erfahrungen des 20 Jahrhunderts. Munchen: R. Oldenbourg Verlag, 2007. P. 22–23.

³ *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 21.

или разделить с близкими друзьями, пожелать в будущем опубликовать или поделиться с миром через всемирную паутину, а то и вовсе уничтожить⁴.

Личный архив Якова Фризера был сохранен его вдовой и сыном и впоследствии (в 1948 году) вывезен в Израиль. В настоящее время хранительницей архива является внучка Якова Фризера, проф. Тамар Александер-Фризер. Дневниковые записи Фризера сделаны в тетрадях, в основном чернилами, но есть пометки карандашом; текст написан по-русски с некоторыми словами на иврите и английском.

Страничка дневника Якова Фризера
(личный архив Тамар Александер-Фризер и Дана Фризера)

Яков Давидович Фризер (1869–1932) был заметной фигурой в торгово-промышленном мире Сибири конца XIX – начала XX вв. Ему посвящено несколько работ Л.В. Кальминой⁵, его имя упоминается в специальных исследованиях по истории сибирского купечества и развития золотопромышленности⁶,

⁴ *Lejeune Ph. On Diary. A biography monograph. Hawai'i: The Biographical Research Center, University of Hawai'i Press, 2009. P. 6–9; Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1989. С. 479.*

⁵ *Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2003; Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40; Кальмина Л.В. Меценат Яков Фризер: трагедия успеха // Научные труды по иудаике: материалы XVII ежегодной конференции по иудаике. М.: Сэфер, 2010. Т. 2. С. 116–125.*

⁶ *Верхотурова Г.А., Жерлов В.Ф. Золотой край Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001; Саноговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–*

до сих пор современные исследователи ссылаются на его работы по золотому делу. И все же масштаб его личности недооценен. Благодаря анализу личных документов можно попытаться воссоздать объемный образ Якова Фризера – не только удачливого золотопромышленника, но и талантливого публициста, финансиста, романтика и моралиста, заботливого сына и отца.

Фотографии в рабочем кабинете Якова Фризера в Харбине (личный архив Тamar Александр-Фризер и Дана Фризера)

Надо заметить, что круг интересов и связей Фризера был очень широк: в его записях содержатся многочисленные упоминания о людях, которые оказали непосредственное влияние на формирование его мировоззрения, бытовые подробности жизни еврейского купечества Восточной Сибири. Особый, глубоко личный взгляд сибирского золотопромышленника, обилие деталей и точных характеристик заставляют внимательно относиться к такого рода источникам,

XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1998.

которые имеют большой исследовательский потенциал, а именно расширение объяснения и интерпретации имеющегося текста⁷. Для понимания записей Фризера и его личности важен исторический контекст, региональные особенности, условия проживания евреев в Сибири, история золотопромышленности Российской империи. На анализе этих сюжетов дневника мы и сконцентрируемся в данной статье.

Баргузин

Немало страниц дневника посвящено родному городу автора Баргузину. Именно так он и открывает свой дневник:

Родившись в 1869 году в маленьком городке Баргузине в 48 верстах от озера (море) Байкала в зажиточной по тому далекому времени семье...⁸

Когда-то на месте Баргузина стоял острог для сбора ясака, в 1788 г. Баргузин сделался уездным городом Иркутской губернии, чуть было не был упразднен по причине малочисленности населения, восстановлен в статусе в 1851 г. и стал окружным городом в 1856 г. Но население города росло очень медленно, составляя в 80-е гг. XIX в. всего 1 600 жителей⁹. Баргузинский уезд считался одним из богатейших мест в Сибири. Золото, серебро, железо, медь, соляные озера, минеральные источники – вот далеко не полный перечень местных богатств. Кроме того, хороший заработок приносили рыбопромышленность и пушной промысел.

Большую часть населения города составляли ссыльнопоселенцы и их потомки, и семья Фризера не являлась исключением: для его деда, сосланного сюда за контрабанду в особо крупных размерах на западной границе, Баргузин стал местом приписки¹⁰. Вот как характеризовал город двоюродный брат Якова Фризера Моше Новомейский:

...население города было главным образом городское, торговое; среди жителей встречались евреи и китайцы. Было и некоторое число мастеровых, в большинстве – потомки ссыльных. Расположение домов на улицах города больше напоминает сельское поселение, где жители жили в небольших срубках, окруженных огородами и хо-

⁷ *Confino A. Memory and the History of Mentalities // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Eds. Erll A., Nünning A. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. S. 77.*

⁸ Личный архив Тамар Александер-Фризер и Дана Фризера (далее – ЛА). Записи Я.Д. Фризера. Тетрадь № 1. Л. 1.

⁹ Энциклопедический словарь. Т. 3. Ч. 2. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1892. С. 53–54.

¹⁰ *Кальмина Л.В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142–144.*

зайственными строениями, и занимались в основном извозом и рыболовством; иные промышляли пушного зверя к северу от города. Торговцы обслуживали не столько сам город, сколько его окрестности, бурятские села да рабочие поселки вокруг копей и шахт. Охотникам они поставляли снасть и провиант в обмен на пушной товар. Китайские купцы, владельцы маленьких лавок и лабазов, ладили с местным населением и заслужили его доверие. Кроме казенной палаты, в Баргузине не было ни учреждений, ни банков, поэтому деловые люди в случае надобности занимали деньги друг у друга¹¹.

Баргузин был единственным городом Забайкалья, где первое место среди всех видов деятельности еврейского населения города занимали работа на золотоносных рудниках и приисках и обеспечение их всем необходимым. Золотодобычей занималось 14,2 % самостоятельного населения Баргузина и кормилось до 22 % его жителей¹². Тех, кто добровольно выбрал местом жительства Сибирь, было очень немного, а те, кто попал туда в силу политических или уголовных преступлений, составили в Сибири тот неповторимый человеческий материал, которой отличался с одной стороны смелостью и нахрапистостью в делах, граничащей с бесшабашностью, а с другой стороны – желанием выучиться и преуспеть.

Серебряные подставки для свитка Торы, полученные Яковом Фризером в день его совершеннолетия в 1882 г. (из архива Тamar Александр-Фризер)

Значительное место в дневниках Фризера занимает описание встреч с самыми разными людьми, которые определили направление его жизни. О роли политических ссыльных – декабристов, участников польских восстаний, народныхольцев, революционеров – в жизни сибиряков существует большой корпус литературы. Судя по записям Фризера, в памяти жителей Баргузина еще была

¹¹ Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим: Библиотека–Алия, 1979. С. 13–14.

¹² Первая Всеобщая Перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. М.А. Тройницкого. СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. LXXIV, С. 120.

жива память о сосланных туда декабристах как о значительных людях. В семье Фризера из поколения в поколение передавалось семейное предание о том, что дедушка Фризера по материнской линии Хейкель Новомейский был фактически спасен от голодной смерти благодаря декабристу Михаилу Кюхельбекеру, сосланному на поселение в Баргузин: Кюхельбекер нанял его выкопать в своем доме подпол, а потом и посодействовал ему в организации собственного извоза, сведя с нужными людьми, о чем писал своему брату Вильгельму Кюхельбекеру, также отбывающему ссылку на поселении в 30 верстах от Баргузина¹³. Одно из первых ярких воспоминаний детства Якова Фризера было связано с прибытием летом 1879 г. в Баргузин партии политических ссыльных, которых учитель местной еврейской школы сравнил с упоминаемым в книге Исхода «нашествием саранчи, уничтожающей все посева, т.е. все доброе, что посеяла и дала народу власть»¹⁴. Сравнение с саранчей озадачило десятилетнего Якова, но «политические» показались ему необычными людьми. Особенно поразила его крупная фигура женщины, эдакое сочетание женщины-мужчины. Как оказалось, это была знаменитая революционерка, «бабушка русской революции», Е.К. Брешко-Брешковская, которая ласково стала разговаривать с детьми. Через 50 лет, в июне 1929 г., Фризер написал ей в Париж очень теплое и восторженное письмо, приложив статью о ней для газеты «Последние новости»:

Своими воспоминаниями я только хотел выразить ту беспредельную любовь и благоволение, которые к Вам питали все имевшие близкое счастье Вас знать¹⁵.

Позже один из своих золотых приисков Фризер назвал «Брешковским». Дальнейший личный опыт общения с политическими ссыльными только усилил позитивное к ним отношение:

Моими первыми учителями по общим предметам были те же ссыльные, и если по каким-то непонятным для меня причинам эти интеллигентные люди не дали мне достаточно знаний, то общее развитие, любовь к книгам и дух протеста против насилия – получил от них¹⁶.

Несмотря на добродушное и где-то сочувственное отношение местного населения к новоприбывшим ссыльным, желающих пустить к себе необычных квартирантов не находилось, и их селили в отдалении от центра города, чтобы местному исправнику было удобнее присматривать за политическими.

¹³ ИРЛИ РАН. Рукописный отдел. Ф. 6. Рук. 1. Оп. 12. Д. 265. Л. 11 об.

¹⁴ ЛА. Тетрадь № 1. Л. 2–3.

¹⁵ Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 706. Л. 2.

¹⁶ ЛА. Тетрадь № 1. Л. 7 об.

Дневник Фризера упоминает и технические нововведения, скрашивающие времяпрепровождение обитателей городка. Так, в семье Фризеров был фонограф, который заводили на семейных праздниках и местных посиделках¹⁷. Другое воспоминание связано с убийством Александра II 1 марта 1881 г. Поскольку телеграфа в Баргузине еще не было (он будет проведен только в 90-х гг. XIX в.), то известие о покушении и убийстве было получено на следующий день. Политическими ссыльными по такому торжественному случаю была устроена пирушка с песнями и плясками, а над домом, где они обитали, был вывешен красный флаг. Местное начальство до того перепугалось, что в силу своей малочисленности и неспособности овладеть ситуацией, всерьез рассматривало возможность всем разом подать в отставку и сдать власть в городе «преступникам»¹⁸.

Молодому Фризеру было скучно в маленьком Баргузине, и он задался целью превратить его в один из культурных центров Забайкалья по подобию Иркутска. 1888 год ознаменовался в истории Баргузина поистине историческим событием: подающий надежды 19-летний молодой золотопромышленник Яков Фризер решил организовать в городе общественную бесплатную библиотеку. С этой целью он привлек к работе местную интеллигенцию, разработал устав правления библиотеки, собрал книги, составил планы на дальнейшее формирование библиотечного фонда, купил здание для библиотеки. В своих записях Фризер указал, что

все это делал интуитивно, даже не уяснял, что делаю серьезное культурное дело. Мною не руководило, как и впоследствии в более серьезные созданные мною культурно-образовательные организации (так в тексте – *И.В.*) ни честолюбие, ни тщеславие¹⁹.

Собирание книг и создание библиотек стало для Фризера настоящим хобби. Переехав впоследствии в Иркутск, он не забывал свое баргузинское детище, продолжая поддерживать библиотеку материально и подарив ей купленное им здание. Даже после своего отъезда в Харбин он не переставал интересоваться судьбой основанной им библиотеки, которая продолжала существовать в подаренном им здании и более того, новая большевистская власть даже не тронула имеющийся в главном зале портрет Фризера с мемориальной доской, помещенный туда по решению правления библиотеки²⁰. На принадлежащих ему приисках, где рабочие находились постоянно, им тоже создавались библиотеки, причем Фризер лично контролировал покупку книг:

¹⁷ ЛА. Тетрадь № 1. Л. 4 об.

¹⁸ ЛА. Тетрадь № 1. Л. 5 об.–7 об.

¹⁹ ЛА. Тетрадь № 2. Л. 8.

²⁰ ЛА. Тетрадь №2. Л. 8 об.

Для чтения рабочих и даже служащих предпочтительно выписывать произведения лучших писателей, как русских, так и иностранных (в переводе), изданных в одном томе в дешевом издании²¹.

Можно предположить, что лучшие произведения русских и зарубежных писателей определялись читательским опытом самого Фризера. Вместе с отчетом об экспедиции Кропоткина он зачитывался романами Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и И.С. Тургенева «Отцы и дети», примкнув к кругу студентов, исключенных из столичных университетов и сосланных на родину, в Баргузин, под надзор полиции.

Иркутск

В 1882 г. Яков Фризер вместе с отцом впервые попал в Иркутск, куда его привезли, чтобы проверить уровень подготовки по общим предметам и, по возможности, решить вопрос с зачислением в гимназию. Иркутск по праву считался одним из красивейших городов Сибири, особенно после того как город был отстроен заново после страшного пожара 1879 г. Уже с конца XVII в. Иркутск становится заметным торгово-ремесленным центром Сибири. Сердцевиной его торговой жизни являлся гостиный двор с одиннадцатью лавками. Торговцев привлекало выгодное географическое расположение города, стоявшего в центре пересечения торговых путей севера и востока Сибири, а также ориентация на внешнюю торговлю с пограничными странами. Уже в первые десятилетия XVIII в. купечество составляло самую многочисленную группу населения: так, в 1724 г. в купечестве числилось почти 2,5 тыс. человек, что составляло более 80 % всех жителей города.²² Правда, следует учитывать тот факт, что до первой трети XIX в. запись в купеческую гильдию была формальной и туда мог записаться практически любой желающий, поскольку установленный для этой категории имущественный ценз был очень низок.

Население города отличалось как пестрым этническим, так и социально-экономическим составом. Население Иркутска состояло из русского элемента, который явно преобладал, поляков, евреев, татар, инородцев и даже иностранных подданных. Население города вместе с тремя предместьями к 1890 г. составляло 50 280 душ, которые подразделялись на дворян личных и потомственных, духовенство православное, католическое, лютеранское, граждан почетных и купцов всех гильдий, мещан, цеховых, военных и отставных, крестьян и по-

²¹ Фризер Я.Д. Номенклатура счетов золотопромышленного счетоводства и хозяйственно-технической отчетности. СПб.: Тип. Правда, 1909. С. 5–12.

²² Шахеров В. Для пользы сообщества достаток истощая // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 3.

раженных в правах политически-ссылных²³. В Иркутске Фризеры остановились в доме Иркутского купца 1-й гильдии А.А. Белоголового, проживавшего в прекрасном и обширном доме по Медведниковской улице²⁴. Белоголовый полностью соответствовал сложившемуся стереотипу иркутского купца, который не только являлся поставщиком на Запад эlegantных продуктов Востока, но и общался с учеными, испытывал удовольствие от чтения книг, от путешествий с просветительской целью, от употребления своих денежных средств на просветительское предприятие, вне удовлетворения своих животных потребностей²⁵. Белоголовый вместе с братьями торговал в Кяхте, на Нижегородской ярмарке, владел кожевенным заводом, имел золотые прииски в Забайкалье и был соучредителем пароходства «Байкал». Как было положено среди сибирского купечества, он жертвовал значительные суммы на благотворительность, учебные и культурные учреждения. В доме Белоголового юного Якова больше всего поразила блестящий паркетный пол, по которому он пытался скользить как по льду, но безрезультатно. Там же он впервые увидел настоящего графа – будущего генерал-губернатора Иркутска (в 1885–1889 гг.) Игнатьева, который, заняв высокий пост, будет стараться всячески ограничить еврейское присутствие в Иркутске²⁶. Планам обучения в гимназии не суждено было осуществиться, и Яков Фризер возвратился на семейные прииски, в управлении которых он начинает принимать все более деятельное участие, несмотря на свой юный возраст. Вновь он попал в Иркутск зимой 1884 г., когда его отцом производилась закупка товаров, оформлялись займы и велись деловые переговоры. Помимо участия во всех деловых переговорах и операциях семейного бизнеса, Яков находил время интересоваться книгами, читать и покупать их. В Иркутске он нашел небольшую и, возможно, единственную в городе книжную лавку, где он скупал почти все вновь поступающие книги. Счет за книги посылался отцу, который в конечном счете запретил покупку новых книг свыше оговоренной им суммы²⁷. С этих пор Яков Фризер с отцом посещают Иркутск каждую зиму по делам, но с каждым годом он проявляет все больше и больше самостоятельности и инициативы. Чтение книг, собиранье личной библиотеки и постоянная тяга к самообразованию не оставляют его ни на миг. Он посещает Иркутский музей, кол-

²³ Энциклопедический словарь. Т. 13. Ч. 1. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1894. С. 326–327.

²⁴ ЛА. Тетрадь № 1, л. 9.

²⁵ Гимельштейн А.В. Общественная деятельность еврейских общин губернских и областных центров Восточной Сибири как средство национальной самоидентификации во второй половине XIX–XX вв. // Известия Иркутского Государственного Университета. Серия: История. 2012. № 1(2). С. 129.

²⁶ Войтынский В.С., Горништейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Издание Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общественного Распространения Просвещения между евреями в России, 1915. С. 137–138.

²⁷ ЛА. Тетрадь № 1. Л. 26 об.–27.

лекции которого производят на него неизгладимое впечатление. Особую заинтересованность вызывают коллекции отделов географического и петрографии. Он задает многочисленные вопросы зрителям отделов и, по его воспоминаниям, инстинктивно чувствует связь между строением горных пород и распространением золота²⁸. Коллекция Иркутского музея создавалась при непосредственном участии П.А. Кропоткина и помимо экспонатов включала и богатый архив, который был утрачен после пожара 1879 г. Особо и многократно упоминались в записях Фризера материалы, касавшиеся экспедиции Русского географического общества 1866 г. под руководством П. Кропоткина и И. Полякова по исследованию сухопутного пути между Забайкальской областью и Олекминско-Витимской тайгой²⁹. Впоследствии через иркутскую газету «Восточное Обозрение» Фризер пытался восстановить материалы той экспедиции и собрать воспоминания ее участников, но по причинам политической цензуры все, что было связано с именем Кропоткина, находилось под запретом. Именно ознакомление с коллекциями музея, сохранившимися материалами экспедиций Кропоткина и анализ приисковых книг и документации натолкнули Якова Фризера на мысль о наличии золотоносных песков там, куда впоследствии он снарядит поисковые партии и обнаружит богатое золотом Королонское месторождение. Почти во всех своих опубликованных работах он отмечал, что свои самые удачные прииски открыл, руководствуясь материалами, которые нашел в отчетах этой экспедиции. В 1912 г. он даже совершил своего рода паломничество в Лондон, где навестил Кропоткина в его лондонской квартире:

Беседа касалась различных вопросов, в том числе и экономического будущего Сибири. Память Кропоткина поражала, и он прекрасно помнил географию местности и кратко набросал свою теорию о речном бассейне страны³⁰.

Большое путешествие

С 1889 г. Фризер полностью вступил в управление приисками, заменив больного отца. В этом же году он написал свою первую статью о недостатках организации золотопромышленности в Баргузинском округе «Кустарная золотопромышленность, ее преимущества и недостатки», отправленную в редакцию иркутской газеты «Восточное обозрение». Еще более поразительным является то, что молодой Фризер решил совершить ознакомительную поездку по Забайкалью, чтобы самому увидеть и почувствовать его географический размах и бо-

²⁸ ЛА Дневник №2. Л. 1.

²⁹ *Кропоткин П.А.* Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания ското-прогонного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 году олекминскими золотопромышленниками, при содействии Сибирского отдела Географического общества. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1873.

³⁰ *Фризер Я.Д.* П.А. Кропоткин в Сибири // *Новости Жизни (Харбин)*. 1921. 4 марта. № 46.

гатство. Естественно предположить, что кроме познавательного, целью поездки был и практический интерес. Фризер посетил Олонские прииски братьев Белоголовых и Сабашниковых, познакомился с особенностями поиска и обработки рудного золота, осмотрел находящиеся по дороге на Сретенск золотые прииски и рудники, завел полезные знакомства и связи.

Перевозка золота по Витиму (фотография из коллекции В.Н. Мунгалова)

Следует заметить, что для передвижения по Восточной Сибири местные жители пользовались известными и доступными им путями сообщения – водными и сухопутными. До 90-х гг. XIX в. среди сухопутных путей сообщения главное место занимал Московский тракт, по которому осуществлялся товарный обмен Сибири с Европейской Россией, транспорт пассажиров и ссыльных арестантов. Московский тракт проходил через все важные города и населенные пункты Сибири – Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Каинск, а также шел на Томск, Красноярск, Нижнеудинск и Иркутск. Только с 1843 г. появился первый пароход на р. Оби и начало развиваться пароходство: сначала, в 1862 г., по р. Лене, а с 1863 г. и по Енисею. До начала XX в. общее количество пароходов на реках Сибири не превышало 145³¹. О трудностях передвижения по Сибирской тайге можно найти немало свидетельств в дневниках и публикациях Фризера. Он неоднократно писал о насущной необходимости соединения тайги с остальным культурным миром через правильно организованные почту и телеграф, а также телеграфного сообщения между городами, являющимися центрами экономической жизни Забайкалья (Баргузин, Верхнеудинск, Муя и Бодайбо)³². Озеро Байкал, наряду с многочисленными реками, также являлось одной из основных транспортных артерий, соединяющих Западную и Восточную Си-

³¹ Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды / под ред. И.С. Мельникова. СПб.: Издательство А.Ф. Девриена, 1908. С. 24–25.

³² Фризер Я.Д. Золотопробыльственность в Баргузинском округе и ее нужды. М.: Типо-литография И.Н. Кушнер и К^о, 1901. С. 131–133.

бирь между собой и с «большой землей» – центральными Российскими губерниями. В летний период основными пассажирами пароходов, курсирующих по Байкалу, были студенты, учащиеся, деловые люди и члены их семей. Так, при переезде из Томска в Иркутск летом 1894 г., Яков Фризер познакомился с известным сибирским патриотом и путешественником Н.М. Ядринцевым³³. Ядринцев был своего рода изгоем в русских академических и политических кругах. Ядринцев вместе с Потаниным и Обручевым продвигали теорию особенного типа сибиряка в сибирской публицистике. Благодаря им в сибирской, да и российской литературе установился обычай характеризовать Сибирь как самостоятельную и самобытную часть Российской империи³⁴. Ядринцев возвращался из путешествия по Монголии, где проводил раскопки Каракорума, и устроил для студентов и гимназистов бесплатную лекцию, к которой присоединился и Яков Фризер. В своем дневнике он отводит несколько страниц этому случайному, но имеющему продолжение знакомству:

В г. Иркутске мы обменялись визитками и часто встречались в музее, где он помог мне ориентироваться в этнографических и археологических коллекциях... Когда после его смерти в газете была объявлена подписка на сбор денег для памятника на его могилу в г. Омске, я внес свою лепту и этим выразил дань благодарности благородного чиновника и сибиряка (так в тексте – *И.В.*), первому давшему мне толчок проявить интерес к чисто научным вопросам³⁵.

Пароход Королонец, принадлежавший Якову Фризеру
(фотография из коллекции В.Н. Мунгалова)

³³ ЛА. Дневник № 2. Л. 13.

³⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 16. Западная Сибирь. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. С. 223–224.

³⁵ ЛА. Дневник № 2. Л. 23.

Нерчинск

18 декабря 1890 г. в г. Нерчинске Яков Фризер женился на Надежде Риф, дочери известного Нерчинского золотопромышленника Фейселя Рифа. Фейсель Риф помимо золотых рудников владел рядом крупных торгово-промышленных предприятий, специфика которых была обусловлена месторасположением города. Помимо Нерчинска у него были склады в Цицикаре, в Маньчжурии, в его руках была сосредоточена почти вся оптовая торговля чаем. Нерчинск того времени так же, как и Баргузин, являлся окружным городом Иркутской губернии, но отличался размерами и численностью населения. Будущее Нерчинска было решено в 1689 г., после заключения торгового договора с Китаем и создания таможни для транзитных товаров, таких, как пушнина и чай. Через Нерчинск проходила великая Сибирская железная дорога, которая и определяла его статус важного экономического центра, находящегося на пересечении торговых путей между Россией и Китаем³⁶. На 1896 г. в Нерчинске проживал 4 661 житель, и население принадлежало к различным религиозным конфессиям: православные, раскольники, католики, протестанты, магометане, иудеи, язычники и прочие. В Нерчинске Фризер приобретает опыт и пробует найти себя в различных областях, таких как оптовая торговля чаем, интерес к угольным месторождениям у села Черемхово, оптовая торговля зерном.

В Нерчинске Фризер познакомился с Алексеем Кирилловичем Кузнецовым, основателем Нерчинского публичного музея. А.К. Кузнецов заложил основы археологии Восточного Забайкалья и по праву считается известным общественным деятелем и краеведом³⁷. А.К. Кузнецов, сын богатого Херсонского купца, увлекся революционными идеями народничества, стал членом группы С.Г. Нечаева и по делу об убийстве студента Иванова был приговорен к десяти годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибирь с лишением всех прав состояния. Шесть лет он отбывал каторгу на Каре, а затем, в 1879 г., по милостивому разрешению, попал в Нерчинск. Кузнецов проявил себя как талантливый педагог и просветитель, организовав в городе «Общество попечения о начальном образовании», кружок любителей музыки и литературы и частную городскую школу. В Нерчинске он начал серьезно интересоваться историей края, на средства местного купечества совершил несколько экспедиций, составил подробные карты, на которые нанёс местонахождение древних стоянок и найденных там предметов. По долинам рек Нерча, Шилка и Куэнга им было выявлено большое количество археологических памятников каменного, бронзового и раннего железного века. С Яковым Фризером у них завязывается знакомство, и

³⁶ Энциклопедический Словарь. Т. 20. Ч. 2. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона. 1897. С. 913–914.

³⁷ Засулич В. Воспоминания. М.: Тип. общества Политкаторжан, 1931. С. 21.

после отъезда последнего из Нерчинска, они продолжали еще некоторое время переписываться.

Команда парохода *Верхоленец*, также принадлежавшего Фризеру (фотография из коллекции В.Н. Мунгалова)

Томск

Мысли о поиске золота и материалы экспедиции Кропоткина не оставляли Фризера ни на минуту. В Нерчинске он не задерживается надолго, его привлекают города крупнее, предоставляющие больше возможностей для обзаведения полезными связями и для развития бизнеса. Следующей остановкой молодого Якова Фризера становится Томск. Дети многих знакомых семьи Фризеров по Иркутску учились в Томском университете. Через их посредничество Яков Фризер становится вхож в круг местной, в основном еврейской, буржуазии.

Томск по праву считался крупнейшим культурным и торгово-промышленным центром Сибири с динамичным и быстро растущим населением. С 1858 по 1897 гг. население Томска выросло на 150 %, с 20 983 чел. до 52 430 чел.³⁸ По числу учебных заведений Томск занимал первое место в Сибири: там открылся университет с медицинским и юридическим факультетами, на которых обучались свыше 500 студентов, а также работали мужская и женская гимназии с 1 086 учащимися, повивальный институт, повивальная школа, ветеринарно-фельдшерская школа, мужские и женские городские приходские учи-

³⁸ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 16. С. 216.

лица, мужское и женское еврейские училища, мужская и женская магометанские школы, ремесленные училища. Всего в городе насчитывалось 59 различных учебных заведений с 7 400 учащимися. Кроме учебных заведений в городе было три публичных библиотеки и университетские музеи. Из научных и других обществ особенно деятелен был Томский отдел Императорского Московского общества сельского хозяйства, немало сделавший на ниве просвещения и краеведения. Каждую зиму общество открывало серию публичных лекций по естественно-историческому описанию и сельскохозяйственной жизни г. Томска и Томской губернии. Томский отдел русского музыкального общества способствовал открытию в городе музыкальной школы, давал концерты и организовывал симфонические вечера. В Томске был открыт Камерный театр, ставивший классический репертуар, стараясь с помощью материальных стимулов переманить актеров ведущих столичных театров³⁹. Постоянно возрастало и торговое значение Томска как центрального склада различных русских фирм, благодаря наличию дешевых водных путей и быстрому развитию пароходства по рекам Западной и Восточной Сибири. Томск по праву считался купеческим городом. Несмотря на то, что купечество Томска вместе с почетными гражданами составляли всего 4 % от общего количества жителей, именно они во многом определяли образ города, его архитектуру, формировали городскую экономику, развитие культуры и образования⁴⁰.

Яков Фризер очень красочно описывает образ жизни и времяпрепровождение зажиточной городской прослойки:

В то благодатное время состоятельные люди жили очень спокойно и привольно. В зимний сезон каждый вечер кто-нибудь устраивал журфикс. Для каждой семьи установили определенный вечер и знакомые приходили без приглашения. Собирались довольно рано, около 8 часов. Предварительно гостей угощали чаем с разнообразными печеньями, вареньями и сладостями. После чая пожилые усаживались играть в карты, а молодые среди которых преобладали студенты устраивались группами. Около двенадцати часов садились за лукулловский ужин с вином и закусками... Благодаря открытию в Томске университета, то часто на вечерах у буржуазии появлялись профессора, которые вносили другую атмосферу⁴¹.

Среди местного купечества Яковом Фризером упоминается семья Кухтериных, владеющая доходными домами, конными заводами, пасекой, винокурными заводами, мельницей, спичечной фабрикой, помимо того, что они держат в руках весь извозный промысел. Со средним сыном «старика» Кухтерина, Александром Евграфовичем Кухтериним, Фризера связывало давнее знакомство. По

³⁹ Энциклопедический словарь. Т. XXIIIа. СПб.: Издательское Дело; Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 490–491.

⁴⁰ Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVII–начало XX века). Томск: Томский университет, 2014. С. 9.

⁴¹ ЛА. Дневник № 2. Л. 20–22.

делам семейной фирмы «Евграф Кухтерин и сыновья» он некоторое время проживал в Иркутске.

Петр Иванович Макушин, известный книготорговец и издатель, играл доминирующую роль среди просвещенной буржуазии⁴². Яков Фризер заказывал книги через книжный магазин-типографию Макушина в Томске и в некотором роде способствовал открытию второго книжного магазина Макушина в Иркутске. Купец 2-й гильдии П.И. Макушин был прекрасно образован, в отличие от многих других представителей сибирского купечества, и оставил должность руководителя Томского духовного училища, чтобы целиком отдаться просветительским проектам. Он первый открыл в 1871 г. частную публичную библиотеку, созданную на базе его личного собрания. Впоследствии подобного рода библиотеку, но в Иркутске, открыл Яков Фризер. Помимо библиотеки, типографии и книжного магазина, Макушин издает и редактирует «Сибирскую газету» (1881–1883 и 1888), «Томский листок» (1895–1897) и с 1897 г. газету «Сибирская Жизнь».

Деловым партнером отца Фризера, а потом и самого Якова Фризера, был Томский купец 1-й гильдии Федор Харлампиевич Пушников, который помимо занятий золотопромышленностью владел самой крупной в Сибири конторой по транспортировке кладей, перевозя грузы из Кяхты на Нижегородскую ярмарку и товары из Москвы в Иркутск. Также деловым партнером сначала Фризера-старшего, а потом и младшего, был Илья Леонтьевич (Илиокум Вульфович) Фуксман, томский купец 1-й гильдии. В Томске он имел винно-водочный завод, склад спирта и пекарню, конный завод, мукомольную мельницу, владел и был в доле золотых приисков.

Бодайбо

В дневниках Якова Фризера довольно часто упоминается Бодайбо, а именно Бодайбинская резиденция, в которой в настоящее время располагается местный краеведческий музей. По времени создание Бодайбинской резиденции (в 1863 г.) совпадает с открытием золота в бассейне реки Бодайбо и началом отвода участков под золотые прииски. Золотые прииски, принадлежавшие частным лицам и компаниям, тянулись вверх от устья реки на 300 верст. Среди первых золотопромышленников Бодайбо были М.А. Сибиряков, иркутский купец 1-й гильдии, совладелец компании «Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири» (с 1865 г.) и иркутский купец 1-й гильдии И.И. Базанов. Яков Фризер лично владел приисками, приписанными к Бодайбинской резиденции: Веселый по р. Горбылях, Мариинский по р. Хартунтах и Надеждинский по р. Кигелан. По делам своих приисков, относящихся к группе Королонских приисков, расположенных в Олекминско-Витимском районе, Фризер час-

⁴² ЛА. Дневник № 2. Л. 22, 28.

то бывал в Бодайбо. Бодайбинская резиденция была преобразована в город в 1903 г. «Новый Энциклопедический Словарь» Брокгауза-Эфрона характеризует Бодайбо как безуездный город Киранского уезда Иркутской губернии⁴³. Постоянное население Бодайбо было невелико – около 5 000 человек, в основном это были представители администрации, обслуживающие управление окружающих город золотых приисков и планирующие отводы земель под прииски. Отвод участков под прииски далеко не всегда происходил с согласия администрации, довольно часто осуществлялся самовольный захват участков, требующий урегулирования в соответствии с плановым отводом участков под прииски⁴⁴. В начале XX в. на средства местных золотопромышленников от Бодайбинской резиденции до приисков была проложена узкоколейная железная дорога длиной в 60 верст для того, чтобы облегчить транспортировку золота и обеспечить прииски необходимыми припасами и оборудованием. Ответственность за поддержание дороги и ее дальнейшее продолжение были возложены на Ленское золотопромышленное товарищество, в руках которого было сосредоточено большинство приисков. В весенние и летние месяцы, время наиболее интенсивной работы на приисках, население города увеличивалось почти вдвое и доходило до 9 000. В Бодайбинской резиденции имелось все необходимое для обеспечения работы на золотых приисках: Христорождественская церковь, построенная в 1875 г. на средства наследников М.А. Сибирякова, почтово-телеграфная контора, золотосплавочная лаборатория министерства финансов, отделение государственного банка, казначейство, больница, квартира врача, дом безработных, камера мирового судьи, канцелярия исправника и бюро съезда золотопромышленников. С особой теплотой Яков Фризер вспоминал Леопольда Фердинандовича Граумана, директора-распорядителя Ленского золотопромышленного общества, с которым состоял в переписке со времени открытия и регистрации прииска Многообещающий в 1897 г.:

Я просил его послать мне форму контракта с рабочими, но он прислал мне целую кучу всевозможных форм, касающихся производственной отчетности. Все это мне очень пригодилось в последствии по мере развития работ на Королоне. Могу только сказать, что все было использовано. Грауман меня принял не то что холодно, а скорее как умный, принципиальный и образованный человек (горный инженер)...⁴⁵

Помимо высочайшего профессионализма, административных способностей и творческого подхода к делу всех, знавших Граумана, поражал тот факт, что

⁴³ Новый Энциклопедический Словарь. Седьмой том. СПб.: Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1912. С. 131.

⁴⁴ Мунгалов В.Н., Мунгалов Н.Н. Ленские золотые прииски и город Бодайбо на фотографиях (дореволюционный период). Иркутск: Ситалл, 2016. С. 147.

⁴⁵ ЛА. Дневник № 2. Л. 41–42.

пробыв во главе самого крупного в России золотопромышленного предприятия, где под его начальством работали служащих и рабочих временами больше десяти (тысяч – *И.В.*) человек и дело обслуживали тысячи поставщиков и посредников, никогда не слышно было, что среди них какой либо его родственник⁴⁶.

Заключение

Дневники Якова Фризера, пусть и фрагментарные, отражают личность автора и являются важным историческим источником, их с полной уверенностью можно отнести к эго-документам, в категорию источников, именуемых исторической памятью. В дневниках через призму личностного восприятия воссоздается воображаемое прошлое, организация исторического опыта индивида, своего рода реорганизация памяти о «днях минувших»⁴⁷. Помимо биографической информации, в них зафиксированы общезначимые политические события второй половины XIX – начала XX в., их оценка, размышления о своей деятельности в Сибири. Дневники Якова Фризера, подобно классическим формам автобиографий и биографий, не являются

произведениями литературно-книжного характера, отрешенными от конкретного общественно-политического события, их громкого опубликования. Напротив, они всецело определялись этим событием, они были словесными гражданско-политическими актами прославления или публичного самоотчета отдельных людей – очерчивание хронотипа, в котором раскрывается своя или чужая жизнь, ограничиваются грани образа человека и его жизни, дается определенное освещение их⁴⁸.

К сожалению, многое из жизни Фризера остается за пределами дневников, и вызывает вопросы: почему автор не пишет о тех или иных событиях – по причине личной скромности или не считает это существенным для себя или потенциального читателя. Однако по отдельным фрагментам записей мы можем судить о характере Якова Фризера, его активной деятельности и мобильности. Его перемещения по Российской империи и за границей, обширные контакты, взаимоотношения с разными людьми – горными исправниками, ссыльнопоселенцами, проводниками-бурятами, рабочими, золотопромышленниками, чиновниками, учеными – делают Фризера фигурой, связывающей разные социальные, политические, экономические круги, и это придает его дневникам особое значение и ломает традиционный стереотип о Сибири как глухой и дикой окраине России, от которой «сколько не скачи, ни до какого государства не

⁴⁶ ЛА. Дневник № 2. Л. 43–44.

⁴⁷ Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репниной. М.: Аквилон, 2017. С. 10.

⁴⁸ Бахтин М.М. Формы времени и хронотипа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 307.

доскачешь». В записях Якова Фризера предстает также образ Сибири как уникального края, в котором все возможно.

Personal diaries of Yakov Frizer represent a unique research field for a true historian. On the one hand, they cannot be considered as a synchronous document, because a gap exists between the time of writing the original diary and its replica reconstructed later. Due to this fact they may contain unintentional distortion of events or inaccuracy in dates and some details of the notes may be in need of clarification. However, what is important in the diaries is the author's intonation, an attempt to look at oneself from the outside, to evaluate one's course of life, and to reconstruct the past as a personal experience imprinted in the written word, which is the main characteristics of ego-documents.¹ On the other hand, in their diaries people do not remember their past but they constantly recreate it. Diaries as an example of first-person genres are of special interest in the study of the self because they are, or at least profess to be, a form of immediate self-expression, they do not have any defined plot or character.² It can apply to every individual as a person as well as to his self-perception as a member of society.³ Unlike the autobiography, the diary allows for change and growth. The essential attraction of diary writing is the realm of freedom where one could decide for himself how to behave, and then to change the rules. One can write about anything they want, keep the diaries for oneself, share them with close friends, aspire to see them published, share them with the world on the Internet, or simply destroy them.⁴

The personal archive of Yakov Frizer was preserved by his widow and his son in Harbin and later found its way to Israel in 1948. It is currently under the supervision of his grandchildren Prof. Tamar Alexander-Frizer and Dan Frizer. The diaries were

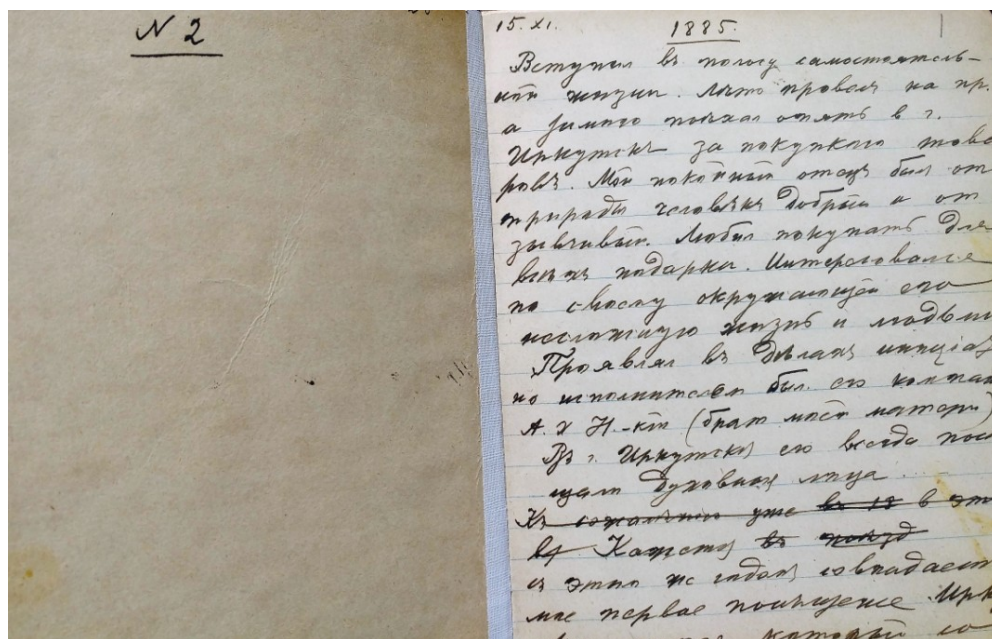
¹ R. Chartier, *The Author's Hand and the Printer's Mind* (NY: Polity Press, 2014), 123–24.

² P. Heehs, *Writing the Self: Diaries, Memoirs and the History of the Self* (NY: Bloomsbury, 2013), 6; V. Depkat, *Lebenswenden und Zeitenwenden. Deutsche Politiker und die Erfahrungen des 20. Jahrhunderts* (Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2007), 22–23.

³ L. Febvre, *Fights for History* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1991), 21.

⁴ Ph. Lejeune, *On Diary. A biography monograph* (Hawaii: the Biographical Research Center, University of Hawaii Press, 2009), 6–9; F.M. Dostoevskii, “Notes from the underground” [in Russian], in F.M. Dostoevskii, *Collected works in 15 volumes*, vol. 4 (Leningrad: Nauka, 1989), 479.

written in notebooks, mainly in ink, with some notes in pencil; the text is written in Russian with some words in Hebrew and in English.

A page from Yakov Frizer's diary
(Personal archive of Tamar Alexander-Frizer and Dan Frizer)

Yakov Davidovich Frizer (1869–1932) was a prominent figure in commercial and industrial circles of Siberia in the late nineteenth and early twentieth centuries. His personality merited the attention of Siberian researcher Liliya Kal'mina⁵ and his name is mentioned in special studies on the history of Siberian merchants and the development of private gold mining in Siberia.⁶ To this day specialists still refer to his work in the gold mining industry, yet the importance and influence of his personality is underestimated. By analyzing his personal documents, the researchers seek to revive Yakov Frizer's extraordinary personality not only as a successful gold-mining magnate but also as a gifted publicist, financier, romanticist and moralist, as well as a caring son and loving father.

⁵ L.V. Kal'mina, *Jewish communities in Eastern Siberia* (the middle of the 19th century – February, 1917) [in Russian] (Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2003); L.V. Kal'mina, "Jewish merchants in Transbaikalia in the late 19th – early 20th century: the merchant class elite," *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [in Russian], no. 2 (2016): 21–40; L.V. Kal'mina, "Maecenas Yakov Frizer: the tragedy of success," in *Scientific papers on Jewish studies: proceedings of the seventeenth annual conference on Jewish studies* [in Russian] (Moscow: Sefer, 2010), vol. 2, 116–25.

⁶ G.A. Verkhoturova and V.F. Zherlov, *The gold region of Buryatia* [in Russian] (Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2011); L.V. Sapogovskaya, *Private gold industry of Russia at the turn of XIX–XX centuries. Ural and Siberia – models of development* [in Russian] (Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii UrO RAN, 1998).

Photographs in the study of Yakov Frizer in Harbin
(Personal archive of Tamar Alexander-Frizer and Dan Frizer)

It should be pointed out that the range of Frizer's interests and his personal contacts are impressive. His notes contain numerous references to the people who directly influenced the formation of his world outlook and to personal details of everyday life of the Jewish merchants in East Siberia. Specific, deeply personal view of the Siberian gold-mining magnate and the abundance of details and accurate characterization compel us to pay careful attention to such kind of sources that have a great research potential – namely, the expansion of explanations and interpretations of the available text.⁷ In order to understand Frizer's notes and his personality, it is important to take into account historical context, regional characteristics, the conditions of Jewish residence in Siberia, and the history of gold mining industry development

⁷A. Confino, "Memory and the History of Mentalities," in *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, ed. E. Astrid and A. Nunnung (Berlin: Walter de Gruyter, 2010), 77.

in the Russian Empire. The present article focuses on the analysis of these subjects tackled in Frizer's diaries.

Barguzin

A lot of pages of the diaries are devoted to the Frizer's native town Barguzin. This is how he opens his diary:

(I was) born in 1869 in the small town of Barguzin, located 48 miles from Lake (Sea) Baikal to a well-off for that distant time family...⁸

Once a stockade for the collection of *iasak* was located on the site of Barguzin, in 1788 Barguzin became *uyezd* town of Irkutsk Province, was nearly done away with because of population paucity, restored its status in 1851, and became a district town in 1856. However, the population of Barguzin was growing very slowly, the average number of residents in 1880s being 1 600.⁹ Barguzin *uyezd* was considered one of the richest places in Siberia. Gold, silver, iron, copper, salt lakes, mineral springs were in the long list of local wealth. In addition, fishery and fur trade brought good profit.

The majority of the town population comprised exiles and their descendants, and the family of Frizer was not an exception. His grandfather was exiled for smuggling in large amounts across the western border of the Russian Empire and Barguzin became his place of residence.¹⁰ Moshe Novomeyskii, a cousin of Yakov Frizer, provided a colorful description of the town:

...the town population was mostly urban, commercial; among the residents one could meet Jews and Chinese. There were a number of artisans, mostly descendants of exiles. The arrangement of buildings along the streets mostly resembles that of a village, where residents lived in blockhouses surrounded by orchards and farm buildings and earned mainly from carrier's trade and fishing; others hunted fur-bearing animals to the north of the town. Merchants served not so much the town itself as the surrounding Buryat settlements and workers' settlements around mines and pits. They supplied tackle and food to hunters in exchange for fur. Chinese merchants, owners of small shops and barns, were on good terms with the local population and earned its trust. Apart from the fiscal chamber, there were neither administrative institutions nor banks in Barguzin, so business people borrowed from each other when necessary.¹¹

⁸ Lichnyi arkhiv Tamar Aleksander-Frizer i Dana Frizera [Personal archive of Tamar Alexander-Frizer and Dan Frizer] (LA). Zapisi Ya.D. Frizera [in Russian] [Notes of Ia.D. Frizer]. Tetrad' no. 1, l.1.

⁹ *Encyclopedic Dictionary*, vol. 3, part 2 [in Russian] (St Petersburg: Tipolitografiya I.A. Efrona, 1892), 53–54.

¹⁰ L.V. Kal'mina, "Siberian gold mining magnate and philanthropist Yakov Frizer," *Voprosy istorii* [in Russian], no. 3 (2003): 142–44.

¹¹ M. Novomeyskii, *From Baikal to the Dead Sea* [in Russian] (Jerusalem: Biblioteka-Aliya, 1979), 13–14.

Barguzin was the only town in Transbaikalia where the work at gold mines and pits and supplying them with necessary provisions and equipment ranked first among the activities of the Jewish population. Around 14.2 percent of the active Barguzin population mined for gold themselves and additional 22 percent of its residents made a living by gold-mining related activities.¹² Those who voluntarily chose Siberia as a place of residence were very scanty, and those who got there because of political or criminal offences comprised the unique “human material” which was distinguished by daring and high-handedness in business often bordering on recklessness and, on the other hand, on the desire to learn and to succeed.

Silver supports for Torah scroll received by Yakov Frizer on the day he attained majority in 1882 (from the archive of Tamar Alexander-Frizer)

A significant place in the diaries of Frizer is taken by the descriptions of meetings with different people who somehow influenced his life path. The role of political exiles – Decembrists, participants of Polish uprisings, members of *Narodnaya Volya*, revolutionaries – in the life of the Siberian population is described in large number of works. Judging by the notes of Frizer, the residents of Barguzin still kept a lively memory of the Decembrist exiles and considered them as significant persons. In Frizer’s family there was a family legend passed from generation to generation according to which Heikel Novomeiskii, a grandfather of Frizer on the side of his mother, escaped death from starvation due to Mikhail Kúchelbecker, a Decembrist, who was exiled for settlement in Barguzin. Kúchelbecker, who hired him to dig up a cellar in his house, and then helped him to organize his own carrier’s trade by introducing him to the “right” people, mentioned that fact to his brother Wilhelm Kúchelbecker, who lived in a settlement 30 miles from Barguzin.¹³ One of the first vivid memories of Yakov Frizer’s childhood was connected with the arrival to Barguzin of a group of political exiles in the summer of 1879, whom the local Jewish

¹² M.A. Troinitskii, ed. *The First Universal Census of the Russian Empire of 1897*, vol. LXXIV [in Russian] (Izдание tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1904), 120.

¹³ IRLI RAN. Rukopisnyi otdel, f. 6, ruk. 1, op. 12, d. 265, l. 11 ob. [in Russian]

school teacher compared with the locusts mentioned in the Book of Exodus, “locusts that destroys all the crops, i.e. everything good that the authorities planted and gave to the people.”¹⁴ Comparison with locusts puzzled ten-year old Yakov, but the political exiles seemed unusual to him. He was particularly impressed by the peculiar figure of a corpulent woman resembling a kind of female-male combination. She turned out to be a famous revolutionary, “Grandmother of the Russian Revolution,” E.K. Breshko-Breshkovskaia, who started talking to children in an endearing, affectionate manner. Fifty years later, in June 1929, Frizer addressed her a very warm and enthusiastic letter and enclosed an article he had written about her for the newspaper *Poslednie novosti* [The latest news]:

By my memories I only wanted to show the infinite love and grace shared by everyone who had the happiness of knowing you.¹⁵

Later, Frizer called one of his gold-mines Breshkovskii. Further personal communication with political exiles only reinforced the positive attitude:

My first teachers on general subjects were the exiles, and even if, for some reasons, incomprehensible to me, these intelligent people did not give me enough knowledge, what I got from them was general development, passion for books, and the spirit of protest against violence.¹⁶

Despite the good-natured and sympathetic attitude of the local population to the newly-arrived exiles, no one volunteered to accommodate the unusual tenants and they were settled at some distance from the town center so that the local police chief could supervise them more easily.

Frizer diaries mentioned technical innovations which brightened up the pastime of the residents of the town. The Frizers possessed a phonograph which they played during family festivities and local gatherings.¹⁷ Another memory mentioned in the diary was that of the assassination of Alexander II on March 1, 1881. As there was no telegraph in Barguzin back then (it appeared only in the 1890s), the news about the attempt and the assassination came the following day. Political exiles organized a binge with songs and dances on the “solemn” occasion and flew a red flag over the house where they lived. The local authorities were so frightened that, because of their small numbers and inability to control the situation, they seriously considered the

¹⁴ LA, Tetrads' no. 1, ll. 2–3.

¹⁵ Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii (henceforward GARF) f. R-5975, op. 1, d. 706, l. 2 [in Russian].

¹⁶ LA, Tetrads' no. 1, l. 7 ob.

¹⁷ LA, Tetrads' no. 1, l. 4 ob.

possibility to resign all at once and to hand over the power in the town to the ‘criminals’.”¹⁸

Young Frizer was bored in small Barguzin and he set himself a goal to make a dream come true and to turn it into one of the cultural centers of Transbaikalia similar to Irkutsk. The year 1888 saw a truly significant event in the history of Barguzin: the 19-year-old promising young gold-miner Yakov Frizer decided to organize a free public library in the town. In doing so, he engaged the local intelligentsia, worked out the library Board Charter, collected books, made plans for the further development of the library collections, and purchased a special building for the library needs. In his notes Frizer pointed out the following:

I was doing all the work intuitively, without proper understanding that I was doing a serious cultural thing. In the same way as it was later, when I was establishing other cultural and educational organizations, I was driven neither by ambition nor by vanity.¹⁹

Collecting books and establishing libraries became a real hobby of Frizer's. Having moved to Irkutsk, he did not forget his Barguzin undertaking and continued to provide the library with financial support and presented it with the building he had bought earlier. Even after his departure to Harbin he was interested in the fate of the library; it stayed in the building he donated and, what is more, the new Bolshevik authorities did not take off the portrait of Frizer that hung in the main library hall together with the memorial plaque put there under the decision of the library Board of Directors.²⁰ At his gold mines, where the workers lived and worked constantly, he also established libraries, and oversaw the purchase of books personally:

In order to encourage literacy among workers and employees, it is preferable to write out works of the best writers, both Russian and foreign (in translation), published in one-volume cheap paperback editions.²¹

One could assume that the best works of Russian and foreign writers were selected according to the reading preferences of Frizer himself. Along with Kropotkin's expedition report, he was absorbed in the novels by N.G. Chernyshevskii *What's to be done* and by I.S. Turgenev *Fathers and Sons* and joined the circle of students expelled from the universities of the capital and exiled to their “smaller motherland” in Barguzin under the supervision of the police.

¹⁸ LA, Tetrad' no. 1, ll. 5 ob.–7 ob.

¹⁹ LA, Tetrad' no. 2, l. 8.

²⁰ LA, Tetrad' no. 2, l. 8 ob.

²¹ Ya. D. Frizer, *Nomenclature of accounts in gold-mine accounting and technical economic book-keeping* [in Russian] (St Petersburg: Tip. Pravda, 1909), 5–12.

Irkutsk

In 1882 Yakov Frizer together with his father visited Irkutsk for the first time. The purpose of the visit was to check his level of training in general subjects and, if possible, to enroll in the local classical school. Irkutsk was rightfully considered one of the most beautiful cities in Siberia, especially after it was rebuilt after the devastating fire of 1879. As early as at the end of the 17th century Irkutsk became a significant trade and craft center of Siberia. At the heart of its commercial life was *Gostinny Dvor* with eleven stores. Merchants were attracted by the favorable geographical location of the city which stood on the crossroads of the trade routes of the north and the east of Siberia and by its orientation on foreign trade with border countries. As early as in the first decades of the 18th century, merchants comprised the largest group of the city population. In 1724 the group of merchants counted almost 2 500 people, which was more than 80 percent of all city residents.²² One should mention, however, that until the 1830s registration as a member of the merchant guild was just a formality and practically everyone could be enrolled there because the property qualification for the guild was very low.

The population of the city was heterogeneous in ethnic, social and economic composition. Irkutsk population consisted of Russians, who clearly prevailed, Poles, Jews, Tatars, local tribal population and even foreign subjects. In 1890 the population of the city with its three suburbs comprised 50 280 residents including personal and hereditary nobility, Orthodox, Catholic and Lutheran clergy, honorary citizens and all guilds of merchants, townspeople, artisans, active and retired military men, peasants, disfranchised persons and political convicts.²³ In Irkutsk the Frizers stayed in the home of A.A. Belogolovyi, an Irkutsk merchant of the first guild, who lived in a beautiful big house on Medvednikovskaia Street.²⁴ Belogolovyi was fully compatible with the prevailing stereotype of the Irkutsk merchant who not only supplied the West with the “elegant” goods from the East but also enjoyed the communication with scientists, reading books, travelling with educational purposes and derived pleasure from using his funds for educational projects, being above the satisfaction of the “brute” basic needs.²⁵ Together with his brothers, Belogolovyi traded in Kiakhta, at the Nizhny Novgorod fair, owned a leather factory, had gold mines in Transbaikalia and was a co-founder of the steam-line *Baikal*. As was common among

²² V. Shakherov, “Depleting supplies for community welfare” [in Russian], *Zemlya Irkutskaya*, no. 5 (1996): 3.

²³ *Encyclopedic Dictionary*, vol. 13, part 1 [in Russian] (St Petersburg: Tipolitografiia I.A. Efrona, 1894), 326–27.

²⁴ LA, Tetrad' no. 1, l. 9.

²⁵ A.V. Gimel'shtein, “Public activity of the Jewish communities in guberniya and regional centers of Eastern Siberia as a means of national self-identification in the second half of the 19th–20th centuries” [in Russian], *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriya*, no. 1(2) (2012): 129.

the Siberian merchants, he donated considerable sums for charity, educational and cultural institutions. What impressed the young Yakov at the home of Belogolovyi most of all was the shiny parquet floor, which he tried to glide on like on ice but unsuccessfully. There he first saw a genuine count, Count Ignatiev, a future Governor General of Irkutsk (in office in 1885–1889) who would try to restrict Jewish presence in the city.²⁶ Plans of studying in the classical school were not to come to fruition and Yakov Frizer returned to the family mines in the management of which he started taking an increasingly active part despite his young age. He came to Irkutsk again in the winter of 1884, when his father purchased goods, arranged loans and hold business negotiations there. In addition to participating in all negotiations and operations concerning the family business, Yakov found time to be interested in books, reading and buying them. In Irkutsk he found a small and, apparently, the only bookshop where he bought almost all newly-received books. Book bills were sent directly to his father, who eventually limited the purchase of new books by allocating the sum for books which was not to be exceeded.²⁷ Since then, Yakov Frizer visited Irkutsk with his father on business every winter, but from year to year he was becoming more and more independent and active. Passion for reading, collecting his personal library and constant craving for self-education did not leave him for a moment. He visited the Irkutsk museum whose collections greatly impressed him. His special attention was attracted to the collection of Geography and Petrography divisions. He asked the museum curators a lot of questions and in his memoirs he mentioned that he instinctively felt the connection between the rock structure and the distribution of gold.²⁸ The Collection of the Irkutsk Museum was created with the direct participation of P.A. Kropotkin and, in addition to the exhibits, it included a rich archive that was lost in the fire of 1879. Specifically and repeatedly, Frizer mentioned in his notes the materials connected with the 1866 expedition of the Russian Imperial Geographical society headed by P. Kropotkin and I. Polyakov to find the land paths between the Transbaikalian area and Olekminsk-Vitimsk taiga.²⁹ Subsequently, Frizer tried to restore materials of the expedition and to collect the memories of its participants through the Irkutsk newspaper *Vostochnoye obozrenie* [The Eastern Review], but for the reasons of political censorship every mention of Kropotkin's name was prohibited. It was the acquaintance with museum collections, the preserved materials and the

²⁶ V.S. Voitynskii and A.Ya. Gornshtein, *Jews in Irkutsk* [in Russian] (Irkutsk: Izdanie Khozyaistvennogo Pravleniya Irkutskogo Evreiskogo Molitvennogo Doma i Irkutskogo Otdela Obshchestvennogo Rasprostraneniya Prosveshcheniya mezhdru evreyami Rossii, 1915), 137–38.

²⁷ LA, Tetrad' no. 1, ll. 26 ob.–27.

²⁸ LA, Dnevnik no. 2, l. 1.

²⁹ P.A. Kropotkin, *A Report on Olekminsk-Vitim expedition to find the land-cattle path from Nerchinsk region to Olekminsk region organized in 1866 by Olekminsk gold-miners with the assistance of the Siberian department of the Geographic society* [in Russian] (St Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1873).

analysis of Kropotkin's expedition materials and gold-mines registration books and documentation that turned Yakov Frizer to the idea of the location of gold sands, where he subsequently sent a search party and found a rich gold deposit later known as Korolon. Almost in all his published works he noted that he discovered his most successful gold mines guided by the materials found in the records of the mentioned above expedition. In 1912 he even made a sort of pilgrimage to London where he visited Kropotkin in his London flat:

The conversation focused on various issues, including the economic future of Siberia. Kropotkin's memory was impressive; he remembered the geography of the area perfectly well and briefly outlined his theory of the river basin of the country.³⁰

The Grand Tour

Since 1889 Frizer replaced his sick father and took over the management of the family gold mines. In the same year he wrote his first article on the disadvantages of gold mining industry in Barguzin district "Cottage gold-mining industry, its advantages and disadvantages" that was sent to the editor of the Irkutsk newspaper *Vostochnoe obozrenie*. Even more striking was the fact that young Frizer decided to undertake a get-to-know tour across Transbaikalia in order to see and feel its geographical scope and wealth. It is natural to assume that, in addition to being informative, the tour was of some practical interest. Frizer visited Olonskii gold mines of Belogolovyi and Sabashnikov brothers, familiarized himself with the specifics of searching and processing gold ore, inspected gold mines and pits located on his route to Sretensk, and established useful contacts and connections.

Transporting gold on the Vitim River (photograph from the collection of V.N. Mungalov)

³⁰ Ya. D. Frizer, "P.A. Kropotkin in Siberia" [in Russian], *Novosti Zhizni (Harbin)*, no. 46, March 4, 1921.

It should be noted that to travel across Eastern Siberia, local residents used familiar and available routes, mostly waterways and land roadways. Until the 1890s the Moscow Route was the most important of the overland roads and ranked first in the trade interchange between Siberia and European Russia, transportation of passengers and prisoners. The Moscow Route passed through all major cities and towns of Siberia – Tuimen, Ialuturovsk, Ishim, Tuikalinsk, Kainsk – and continued to Tomsk, Krasnoiarsk, Irkutsk and Nizhneudinsk. The first steamboat appeared on the Ob river only in 1843, and regular navigation started its development in 1862 on the Lena river, and in 1863, on the Yenisei river. Until the beginning of the 20th century, the total number of steamboats on the rivers of Siberia did not exceed 145.³¹ Evidence of the difficulties in travelling across the Siberian taiga can be found in the diaries and publications of Frizer. He repeatedly wrote about the urgent need to connect taiga with the rest of the “cultural world” by means of properly organized mailing and telegraph services as well as about the necessity of telegraph communication between the main cities and economic centers of Transbaikalia (Barguzin, Verkhneudinsk, Muia and Bodaibo).³² Lake Baikal together with numerous rivers was one of the main water arteries connecting the west and the east of Siberia with each other and with the “big land”, that is, with the central provinces of Russia. In summer passengers of steamers plying on Baikal were mostly students, business people and members of their families. So, while travelling from Tomsk to Irkutsk in the summer of 1894, Yakov Frizer met a well-known Siberian patriot and traveler N.M. Iadrintsev.³³ Iadrintsev was a kind of persona non grata in Russian academic and political circles. Together with Potanin and Obruchev, Iadrintsev promoted the theory of regional type of *sybiryak* [resident of Siberia] in the local Siberian journalism. Thanks to them, Siberian and Russian literature started to characterize Siberia as a separate and distinct part of the Russian Empire.³⁴ Iadrintsev was returning from his trip to Mongolia, where he conducted excavations of Karakorum. He delivered a free lecture for university and classical school students on the steamboat deck, which Yakov Frizer willingly joined. Several pages of his diary were devoted to this chance acquaintance which was continued later:

In Irkutsk we exchanged our business cards and often met in the Museum, where he helped me to navigate through the ethnographic and archaeological collections... When after

³¹ I.S. Mel'nikov, ed., *Siberia. Its contemporary condition and its needs* [in Russian] (St Petersburg: Izdanie A.F. Devriena, 1908), 24–25.

³² Ya.D. Frizer, *Gold-mining industry in Barguzin region and its needs* [in Russian] (Moscow: Tipo-litografiia Kushner i K^o, 1901), 131–33.

³³ LA, Dnevnik no. 2, l. 13.

³⁴ V.P. Semenov-Tyan'-Shanskii, ed., *Russia. The complete geographical description of our Fatherland. Reference and travel book for Russian people*, vol. 16. Eastern Siberia [in Russian] (St Petersburg: Izdanie A.F. Devriena, 1907), 223–24.

Iadrintsev's death the newspaper announced a subscription to donate money for his grave in Omsk, I contributed my mite and in such a way paid tribute to the noble official and the Siberian who was the first to make me interested in purely scientific issues.³⁵

Steamer *Korolonets* owned by Yakov Frizer
(photograph from the collection of V.N. Mungalov)

Nerchinsk

On December 18, 1890, in Nerchinsk, Yakov Frizer married Nadezhda Rif, a daughter of the famous gold-mining Nerchinsk magnate Feisel Rif. In addition to gold mines, Feisel Rif owned a number of large commercial and industrial enterprises, the specifics of which was their location within the city. In addition to Nerchinsk, he had warehouses in Qiqihar, in Manchuria and almost all wholesale tea trade was under his control. Like Barguzin, Nerchinsk of the time was a district town of Irkutsk province, but it was different in size and in population number. The future of Nerchinsk was defined in 1689 by the trade agreement with China and by establishing the customs for transit goods such as furs and tea. The great Siberian railway passed through Nerchinsk, which determined the status of the town as an economic center located on the crossroads of the trade routes between Russia and China.³⁶ In 1896 Nerchinsk had 4 661 residents who belonged to different religious confessions – Orthodox, Schismatic, Catholics, Protestants, Jews, Pagans, Moslems and others. In Nerchinsk, Frizer gained his business experience and tried himself in various areas of trade, such as wholesale tea trade, coal deposits near the village of Cheremkhovo, and

³⁵ LA, Dnevnik no. 2, l. 23.

³⁶ *Encyclopedic Dictionary*, vol. 20, part 2 [in Russian] (St Petersburg: Tipo-litografiia I.A. Efrona, 1897), 913–14.

wholesale grain trade. In Nerchinsk Frizer became acquainted with Alexei Kirillovich Kuznetsov, the founder of the Nerchinsk public museum. A.K. Kuznetsov laid the foundation for archaeology in Transbaikalia and is rightfully considered a well-known public figure and an ethnographer.³⁷ A.K. Kuznetsov, the son of a rich Kher-son merchant, was fascinated by the ideology of revolutionary *narodniks*, became a member of Sergei Nechaev group, was convicted for the murder of student Ivanov and deprived of all the status rights with ten years of penal servitude and the eternal settlement in Siberia. He stayed for six years in Kara, and then, in 1879, by the Highest gracious permission he settled in Nerchinsk. Kuznetsov manifested himself as a gifted teacher and educator. He established the Society for Primary Education, a group of music and literature lovers and a private town school. In Nerchinsk he got seriously interested in the history of the region and the local merchants granted financial support to several of his expeditions; he compiled detailed maps of the region with the location of pre-historical sites and tools found there. In the valleys of the rivers Shilka, Nercha and Kujenga, he discovered a large number of archeological sites dating back to Stone, Bronze and early Iron Age. He became friends with Yakov Frizer and after Frizer left Nerchinsk, continued to keep in correspondence with him for some time.

The crew of the steamer *Verkholenets* also owned by Frizer
(photograph from the collection of V.N. Mungalov)

³⁷ V. Zasluch, *Memoirs* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo obshchestva Politkatorzhan, 1931), 221.

Tomsk

Thoughts about finding gold and the materials of Kropotkin expedition did not leave Frizer in peace. He did not stay in Nerchinsk for a long time, larger cities which provided more opportunities for making useful personal and business contacts attracted him. As a next stop, young Yakov Frizer chose Tomsk. The children of many acquaintances of Frizer's family in Irkutsk studied at Tomsk University. Through their mediation Yakov Frizer was introduced into the circle of the local, mostly Jewish, bourgeoisie.

Tomsk was considered the largest cultural and business center of Siberia with dynamic and rapidly growing population. From 1858 to 1897, the population of the city increased by 150 percent, from 20 983 up to 52 430 persons.³⁸ By the number of educational institutions, Tomsk ranked first in Siberia. A university with medical and law departments attended by more than 500 students was established in Tomsk. Male and Female classical schools had 1086 students. There was an institute of midwives, a midwives school, a veterinary-paramedic school, male and female urban parochial schools, male and female Jewish high schools, male and female Muslim schools, and vocational schools in Tomsk. In total, the city had 59 different educational institutions, where 7 400 students studied. In addition to educational institutions, the city had three public libraries and university museums. Among scientific and other societies, particular activity was shown by the Tomsk branch of Imperial Moscow agricultural society that did a lot in the field of education and local history. Every winter the society delivered a series of public lectures on natural historical description and the state of agricultural life in Tomsk and Tomsk province. Tomsk branch of the Russian musical society contributed to the opening of a music school, gave concerts and organized evenings of symphony music. In Tomsk the Chamber Theatre with classical repertoire was opened and with the help of monetary incentives it tried to lure actors from the leading theatres of the capital.³⁹ The commercial importance of the city as a central warehouse of various Russian firms increased steadily thanks to cheap waterways and the rapid development of shipping on the rivers of western and eastern Siberia. Tomsk was rightfully considered a merchant city. Despite the fact that the merchants along with the city honored citizens comprised only 4 percent of the total population, it was them who determined the image of the city and its architecture and contributed to the city economy, cultural development and education.⁴⁰

³⁸ Semenov-Tyan'-Shanskii, *Russia. The complete geographical description of our Fatherland*, 216.

³⁹ *Encyclopedic Dictionary*, vol. XXXIIIa [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'skoe Delo, Brokgauz-Efron, 1901), 490–91.

⁴⁰ N.M. Dmitrienko, *Tomsk merchants: biographical dictionary (second half of the 17th – beginning of the 20th century* [in Russian] (Tomsk: Tomskii universitet, 2014), 9.

Yakov Frizer vividly described the lifestyle and the way of pastime among the wealthy city stratum:

At that gracious time wealthy people led very free and easy life. In the winter season every night someone arranged a party at home. A certain evening was reserved for each family and acquaintances came without invitation. The gathering began early, about eight o'clock in the evening. At first, the guests were served tea with a variety of pastries, jams and sweets. After the tea, the elderly sat playing cards and the young, students predominating among them, gathered into groups. About twelve o'clock everyone was invited to Lucullus feast with wine and snacks... Thanks to the establishment of the university in Tomsk, university professors who brought in a different atmosphere often visited the evening parties of the city bourgeoisie.⁴¹

Among the local merchants, Yakov Frizer mentioned the Kukhterin family who were the owners of apartment houses, studs, an apiary, distillation plants, a mill, a match factory; besides, they controlled the carrier's trade. A long-standing acquaintance connected Frizer with the middle son of the "old man" Kukhterin, Alexander Evgrafovich Kukhterin. He resided in Irkutsk for some time on the business of the family firm *Evgraf Kukhterin and Sons*.

Petr Ivanovich Makushin, a well-known bookseller and publisher, played a dominant role among the enlightened city bourgeoisie.⁴² Yakov Frizer ordered books through a book-shop and publishing house of Makushin in Tomsk and in a way contributed to the opening of a second bookshop of Makushin in Irkutsk. Unlike many other Siberian merchants, the member of the second merchant guild P.I. Makushin was brilliantly educated. He left the position of the head of Tomsk religious school to devote himself to his educational projects. In 1871 he was the first to open a private public library based on his personal collection of books. Later on, Yakov Frizer opened a similar library in Irkutsk. In addition to the library, publishing house and bookshop, Makushin edited and published *Sibirskaya gazeta* [The Siberian newspaper] (1881–1883 and 1888), *Tomskii listok* [The Tomsk Leaflet] (1895–1897), and since 1897, the newspaper *Sibirskaya Zhizn* [The Siberian life]. Fedor Kharlampievich Pushnikov, a Tomsk first guild merchant, who, in addition to goldmine enterprises, owned the largest bureau of luggage transportation in Siberia which carried loads from Kiakhtha to the Nizhny Novgorod fair and transported goods from Moscow to Irkutsk, was a business partner of Frizer's father, and later, a partner of Yakov Frizer himself. Another business partner of Frizer the senior and, later on, the junior was Ilia Leontievich (IliokumVulfovich) Fuksman, also a Tomsk first guild merchant. In Tomsk, he owned a wine-vodka factory, a warehouse and a bakery, a stud farm, a mill, and owned gold mines and had stakes in them.

⁴¹ LA, Dnevnik no. 2, ll. 20–22.

⁴² LA, Dnevnik no. 2, ll. 22, 28.

Bodaibo

Yakov Frizer diaries quite often mention Bodaibo, specifically, Bodaibo Residence, where the museum of the local history is situated at present. The establishment of the Bodaibo residence (1863) coincided in time with the discovery of gold in the Bodaibo river basin and the commencement of allotting plots for gold mines. Gold-fields owned by private entrepreneurs and companies stretched from the mouth of the river 300 miles upwards. Among the first Bodaibo gold miners were M.A. Sibiryakov, Irkutsk merchant of the first guild, co-owner of the enterprise company *Company for industry in Different Places of Eastern Siberia* (1865), and Irkutsk merchant of the first guild I.I. Bazanov. Yakov Frizer himself owned the mines assigned to Bodaibo Residence – *Veselyi* on the the Gorbyliah river, *Mariinskii* on the Hartuntah river, and *Nadezhdinskii* on the Kigelan river. Frizer often visited Bodaibo on business connected with the management of his mines which were a part of Korolon gold mines located in Olekminsk-Vitim area. Bodaibo Residence became a town in 1903. The New Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron characterized it as a non-uyezd town of Kiransk uyezd of Irkutsk province.⁴³ The permanent population of Bodaibo was small, about 5 000 people, mostly representatives of the administration and management providing services for the surrounding gold mines and responsible for planning and allotting land plots for mines. Allotting plots for mines did not always happen with the consent of the Administration. Quite often the plots were squatted and those instances were to be dealt with according to the planned allotment of plots for gold mines.⁴⁴ At the beginning of the 20th century the gold-miners from Bodaibo Residence financed the construction of a narrow-gage railroad 60 miles long which simplified the transportation of gold and providing the mines with the necessary supplies and equipment. The responsibility for the maintenance of the railroad and its further construction was assigned to the Lena gold mines group that owned the majority of gold mines. During the spring and summer months which were the time for the most intensive work in the mines, the population of the town nearly doubled and reached 9 000 people. Bodaibo Residence had everything necessary to provide the work at the goldfields – the Nativity Church built in 1875 on the donation of the heirs of M.A. Sibiryakov, a post office and a telegraph, the gold-melting laboratory of the Ministry of Finance, a branch of the State Bank, a treasury, a hospital, a doctor's apartment, a hostel for the unemployed, a magistrate office chamber, an information bureau and the bureau of the Congress of the gold-miners. With special warmth Yakov Frizer remembered Leopold Ferdinandovich Grauman,

⁴³ *The New Encyclopedic Dictionary*, vol. 7 [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Aktsionernogo Obshchestva Brokgauz-Efron, 1912), 131.

⁴⁴ V.N. Mungalov and N.N. Mungalov, *Lena gold-mines and Bodaibo city in the photographs (pre-revolutionary period)* [in Russian] (Irkutsk: Sitall, 2016), 147.

the managing director of the Lena Goldfields society, his correspondent since the opening and registration of gold mine *Mnogoobeshchavishchii* in 1897:

I asked him to send me a form of employment contract, but he sent me a bunch of forms related to production accounting. Those came in handy later as the work on Korolon developed. I can only say that everything was put to good use. Grauman not so much gave me a cold reception as treated me the way an intelligent, principled and educated person (a mining engineer) would do...⁴⁵

In addition to the highest professionalism, administrative abilities and creative approach, there was another fact that impressed everyone who knew Grauman:

...although he was the head of the largest gold mining enterprise in Russia which employed more than ten (thousand) people and was serviced by thousands of suppliers and agents, one never heard that any of his relatives was among them.⁴⁶

Conclusion

Diaries of Yakov Frizer, albeit partial, reflect the personality of the author and are an important historical source. They can be undoubtedly included into the category of ego-documents, the category of sources referred to as historical memory. The diaries recreate the imaginary past through the prism of personal perception, the organization of the historical experience of an individual, a kind of reorganizing the memory of the “past days.”⁴⁷ In addition to biographical information, the diaries describe the main political events of the second half of the 19th – the beginning of the 20th century, their evaluation, reflections on the activities in Siberia. Like classic forms of biographies and autobiographies, the diaries of Yakov Frizer can be described as follows:

They are not the works of pure literary fiction character, detached from a certain social and political event, the latter being their infamous publication. On the contrary, they were entirely determined by the event, which was a verbal civil and political act of glorification or public self-report of an individual – the delineation of the chronotope which reveals one’s own or someone else’s life, limits the image of a person and their life, gives them certain coverage.⁴⁸

Unfortunately, much of Frizer’s private life was left outside the diaries and raises some questions such as why the author did not write about some or other events – be-

⁴⁵ LA, Dnevnik no. 2, ll. 41–42.

⁴⁶ LA, Dnevnik no. 2, ll. 43–44.

⁴⁷ L.P. Repina, ed., *The event in history, memory and narratives of identity* [in Russian] (Moscow: Akvilon, 2017), 10.

⁴⁸ M.M. Bakhtin, “Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics,” in *Issues of literature and aesthetics* [in Russian] (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975), 307.

cause of personal modesty or because he did not consider them significant for himself or for potential readers. However, judging by certain fragments of the entries, we can understand the character of Yakov Frizer, his activity and mobility. His movements across the Russian Empire and abroad, his numerous acquaintances and relationships with different people – mountain police officers, exiles, Buryat-guides, workers, gold mine magnates, administrators, scientists – made Yakov Frizera a figure which connected different social, political, economic and religious strata. This lends his diaries some special value and breaks the traditional stereotype of Siberia as the outlying wilderness of Russia, where “you may gallop for three years before you reach a foreign country.” The diaries of Yakov Frizer create such an image of Siberia in which it is shown as the unique region where everything is possible.

Литература

Бахтин М.М. Формы времени и хронотипа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Верхотурова Г.А., Жерлов В.Ф. Золотой край Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. 215 с.

Войтынский В.С., Горништейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Издание Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общественного Распространения Просвещения между евреями в России, 1915. 414 с.

Гимельштейн А.В. Общественная деятельность еврейских общин губернских и областных центров Восточной Сибири как средство национальной самоидентификации во второй половине XIX–XX вв. // Известия Иркутского Государственного Университета. Серия: История №1(2), 2012. С. 127–135.

Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVII – начало XX века). Томск: Томский университет, 2014. С. 314.

Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2003. 422 с.

Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита словесия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.

Кальмина Л.В. Меценат Яков Фризер: трагедия успеха // Научные труды по иудаике: материалы XVII ежегодной конференции по иудаике. М.: Сэфер, 2010. Т. 2. С. 116–125.

Кальмина Л.В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142–144.

Кропоткин П.А. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания скотогонного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 году олекминскими золотопромышленниками, при содействии Сибирского отдела Географического общества. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1873. 681 с.

Мунгалов В.Н., Мунгалов Н.Н. Ленские золотые прииски и город Бодайбо на фотографиях (дореволюционный период). Иркутск: Ситалл, 2016. 247 с.

Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1979. 283 с.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 16. Западная Сибирь. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. 591 с.

Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1998. 312 с.

Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды / под ред. И.С. Мельникова. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1908. 294 с.

Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с.

Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.

Фризер Я.Д. Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. М.: Типо-литография И.Н. Кушнер и К^о, 1901. 151 с.

Фризер Я.Д. Номенклатура счетов золотопромышленного счетоводства и хозяйственно-технической отчетности. СПб.: Тип. Правда, 1909. 189 с.

Фризер Я.Д. П.А. Кропоткин в Сибири // Новости Жизни (Харбин). 1921. 4 марта. № 46.

Шахеров В. Для пользы сообщества достаток истощая // Земля Иркутская. Научно-популярный иллюстрированный журнал. 1996. № 5. С. 2–11.

Chartier R. *The Author's Hand and the Printer's Mind*. New York: Polity Press, 2014. 230 p.

Confino A. *Memory and the History of Mentalities* // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Eds. Erll Astrid, Nunnung Angsar. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. P. 77–85.

Depkat V. *Lebenswenden und Zeitenwenden. Deutsche Politiker und die Erfahrungen des 20 Jahrhunderts*. Munchen: R. Oldenbourg Verlag, 2007. 579 S.

Heehs P. *Writing the Self: Diaries, Memoirs and the History of the Self*. New York: Bloomsbury, 2013. 295 p.

Lejeune Ph. *On Diary. A biography monograph*. Hawai'i: The Biographical Research Center, University of Hawai'i Press, 2009. 351 p.

References

Bakhtin, M.M. “Formy vremeni i khronotipa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike.” [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics], 234–407. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. (In Russian)

Chartier, R. *The Author's Hand and the Printer's Mind*. NY: Polity Press, 2014.

Confino, A. “Memory and the History of Mentalities.” In *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, edited by E. Astrid and Nunnung A., 77–85. Berlin: Walter de Gruyter, 2010.

Depkat, V. *Lebenswenden und Zeitenwenden. Deutsche Politiker und die Erfahrungen des 20 Jahrhunderts*. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2007.

Dmitrienko, N.M. *Tomskie kuptsy: biograficheskii slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Tomsk merchants: biographical dictionary (second half of the 17th – beginning of the 20th century)]. Tomsk: Tomskii universitet, 2014. (In Russian)

Febvre, L. *Boi za istoriyu* [Fights for history]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian)

Frizer, Ya. D. *Nomenklatura shchetov zolotopromyshlennogo shchetovodstva i khozyaistvenno-tekhnicheskoi otchetnosti* [Nomenclature of accounts in gold-mine accounting and technical economic book-keeping]. St Petersburg: Tip. Pravda, 1909. (In Russian)

Frizer, Ya. D. *Zolotopromyshlennost' v Barguzinskom okruge i ee nuzhdy* [Gold-mining industry in Barguzin region and its needs]. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushner i K^o, 1901. (In Russian)

Gimel'shtein, A.V. “Obshchestvennaya deyatelnost' evreiskikh obshchin gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoi Sibiri kak sredstvo natsional'noi samoidentifikatsii vo vtoroi polovine XIX–XX vv. [Public activity of the Jewish communities in guberniya and regional centers of Eastern Siberia as a means of national self-identification in the second half of the 19th – 20th centuries], *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriya*, no. 1(2) (2012): 127–35. (In Russian)

Heehs, P. *Writing the Self: Diaries, Memoirs and the History of the Self*. NY: Bloomsbury, 2013.

Kal'mina, L.V. “Evreiskoe kupechestvo Zabaikal'ya v kontse XIX – nachale XX v.: elita sosloviya” [Jewish merchants in Transbaikalia in the late 19th – early 20th century: the merchant class elite], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2 (2016): 21–40. (In Russian)

Kal'mina, L.V. *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Jewish communities in Eastern Siberia (the middle of the 19th century – February, 1917)]. Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2003. (In Russian)

Kal'mina, L.V. “Metsenat Yakov Frizer: tragediya uspekha” [Maecenas Yakov Frizer: the tragedy of success]. In *Nauchnye trudy po iudaike: materialy XVII ezhegodnoi konferentsii po iudaike* [Scientific papers on Jewish studies: proceedings of the seventeenth annual conference on Jewish studies], vol. 2, 116–25. Moscow: Sefer, 2010. (In Russian)

Kal'mina, L.V. “Sibirskii zolotopromyshlennik i metsenat Yakov Frizer” [Siberian gold mining magnate and philanthropist Yakov Frizer], *Voprosy istorii*, no. 3 (2003): 142–44. (In Russian)

Kropotkin, P.A. *Otchet ob Olekminsko-Vitimskoi ekspeditsii dlya otyskaniya skotoprogonnogo puti iz Nerchinskogo okruga v Olekminskii, snaryazhennoi v 1866 godu olekminskimi zolotopromyshlennikami, pri sodeistvii Sibirskogo otdela Geograficheskogo obshchestva* [A Report on Olekminsk-Vitim expedition to find the land-cattle path from Nerchinsk region to Olekminsk region organized in 1866 by Olekminsk gold-miners with the assistance of the Siberian department of the Geographic society]. St Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1873. (In Russian)

Lejeune, Ph. *On Diary. A biography monograph*. Hawaii: The Biographical Research Center, University of Hawaii Press, 2009.

Mel'nikov, I.S., ed. *Sibir'. Ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia. Its contemporary condition and its needs]. St Petersburg: Izdanie A.F. Devriena, 1908. (In Russian)

Mungalov, V.N., and N.N. Mungalov. *Lenskie zolotyie priiski i gorod Bodaibo na fotografiyakh (dorevol'yutsionnyi period)* [Lena gold-mines and Bodaibo city in the photographs (pre-revolutionary period)]. Irkutsk: Sitall, 2016. (In Russian)

Novomeiskii, M. *Ot Baikala do Mertvogo morya* [From Baikal to the Dead Sea]. Jerusalem: Biblioteka–Aliya, 1979. (In Russian)

Repina, L.P., ed. *Sobytie v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti* [The event in history, memory and narratives of identity]. Moscow: Akvilon, 2017. (In Russian)

Sapogovskaya, L.V. *Chastnaya zolotopromyshlennost' Rossii na rubezhe XIX–XX vv. Ural i Sibir' – modeli razvitiya* [Private gold industry of Russia at the turn of XIX–XX centuries. Ural and Siberia – models of development]. Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii UrO RAN, 1998. (In Russian)

Semenov-Tyan'-Shanskii, V.P., ed. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei*. [Russia. The complete geographical description of our Fatherland. Reference and travel book for Russian people]. Vol. 16. *Zapadnaya Sibir'* [Eastern Siberia]. St Petersburg: Izdanie A.F. Devriena, 1907. (In Russian)

Shakherov, V. "Dlya pol'z soobshchestva dostatok istoshchaya" [Depleting supplies for community welfare]. *Zemlya Irkutskaya. Nauchno-populyarnyi illyustrirovannyi zhurnal*, no. 5 (1996): 2–11. (In Russian)

Verkhoturova, G.A., and V.F. Zherlov. *Zolotoi krai Buryatii* [The gold region of Buryatia]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2011. (In Russian)

Voitynskii V.S., and A.Ya. Gornshtein. *Evrei v Irkutske* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk: Izdanie Khozyaistvennogo Pravleniya Irkutskogo Evreiskogo Molitvennogo Doma i Irkutskogo Otdela Obshchestvennogo Rasprostraneniya Prosveshcheniya mezhdru evreyami Rossii, 1915. (In Russian)